

A young man and woman are lying on their stomachs on a patch of grass. They are facing each other, about to kiss. The woman is on the left, wearing a white tank top and a thin necklace. The man is on the right, wearing a dark corduroy jacket and a grey beanie. The background is a blurred green field.

ДОЛГОЖДАННАЯ ЭКРАНИЗАЦИЯ
ОТ СТУДИИ «ДВАДЦАТЫЙ ВЕК ФОКС»!

ДЖОН ГРИН
ВИНОВАТЫ
ЗВЕЗДЫ

Джон Грин

Виноваты звезды

«АСТ»

2013

Грин Д.

Виноваты звезды / Д. Грин — «АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-078328-1

Подростки, страдающие от тяжелой болезни, не собираются сдаваться. Они по-прежнему остаются подростками – ядовитыми, неугомонными, взрывными, бунтующими, равно готовыми и к ненависти, и к любви. Хейзел и Огастус бросают вызов судьбе. Они влюблены друг в друга, их терзает не столько нависшая над ними тень смерти, сколько обычная ревность, злость и непонимание. Они – вместе. Сейчас – вместе. Но что их ждет впереди?

ISBN 978-5-17-078328-1

© Грин Д., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джон Грин

Виноваты звезды

John Green
THE FAULT IN OUR STARS

Печатается с разрешения издательства Dutton Children's Books, a division of Penguin Young Readers Group, a member of Penguin Group (USA) Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© John Green, 2012
© Перевод. О.А. Мышакова, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Эстер Эрл

*Поднимался прилив. Тюльпановый Голландец обернулся к океану:
– Разлучник, воссоединитель, отравитель, укрыватель,
разоблачитель, набегает и отступает, унося все с собой!
– И что это? – спросила я.
– Вода, – ответил Голландец. – И время.
Питер ван Хутен. Царский недуг*

От автора

Это не столько обращение, сколько напоминание о том, что роман является плодом художественного вымысла. Я его придумал.

Ни книги, ни читатели нисколько не выигрывают от попыток установить, легли ли в основу произведения реальные факты. Подобные попытки подрывают идею значимости выдуманных сюжетов, которую можно причислить к фундаментальным догмам нашего биологического вида.

Надеюсь на ваше сотрудничество.

Глава 1

В конце моей семнадцатой зимы мама решила, что у меня депрессия, потому что я редко выхожу из дома, много времени провожу в кровати, перечитывая одну и ту же книгу, мало ем и посвящаю избыток свободного времени мыслям о смерти.

Если вы читали буклет, сайт или статью, посвященную раку, вы знаете, что авторы называют депрессию одним из побочных эффектов онкологии. На самом деле депрессия не побочный эффект рака. Депрессия – побочный эффект умирания (рак тоже побочный эффект умирания. Да и вообще в эту категорию можно отнести практически все). Но мама решила отвести меня к лечащему врачу, доктору Джиму, который подтвердил, что я действительно погружена в парализующую, уже клиническую депрессию, поэтому нужно скорректировать принимаемые мною лекарства и обязать меня посещать еженедельные заседания группы поддержки.

Группа поддержки отличалась постоянной сменой состава участников, пребывавших в разных стадиях депрессии по поводу своей онкологии. Почему состав менялся? А это побочный эффект умирания.

Посещения группы поддержки угнетали хуже некуда. Собрания проходили по средам в подвале каменной епископальной церкви, фундамент которой имел форму креста. Мы сидели в кружок посередине – там, где пересекались перекладины и находилось бы сердце Иисуса.

Я обратила на это внимание только потому, что Патрик, руководитель группы поддержки и единственный в комнате старше восемнадцати, заводил волюнку о Иисусовом сердце каждую чертову встречу – как мы, юные борцы с раком, сидим в самом сердце Христа, священное места не найти, и все такое.

А вот что происходило в сердце Иисусовом: вшестером, всемером или вдесятером мы входили или въезжали на инвалидных креслах, нехотя жевали каменное печенье, запивая лимонадом, сидели в круг доверия и в тысячный раз слушали занудный рассказ Патрика о том, как у него случился рак яичек и все думали, что он умрет, но он не умер и теперь сидит перед нами в церковном подвале сто тридцать седьмого в списке лучших городов Америки, взрослый, разведенный, подсевший на видеоигры, без друзей, влачащий жалкое существование, эксплуатирующий свое онкорасчудесное прошлое, еле ползущий к получению диплома магистра, который никак не улучшит его карьерные перспективы, живущий, как все мы, под дамкловым мечом-избавителем, с которым разминулся много лет назад, когда рак отнял у него яйца, оставив то, что лишь самая сердобольная в мире душа назовет жизнью.

Вам тоже может так повезти!

Потом мы познакомились: имя, возраст, диагноз, настроение. «Меня зовут Хейзел, – представилась я, когда до меня дошла очередь. – Шестнадцать. Первичная локализация в щитовидке и старые, но внушительные метастазы в легких. Настроение – зашибись!»

Дав всем высказаться, Патрик всегда спрашивал, не хочет ли кто чем поделиться. И началась круговая мастурбация: каждый лепетал о борьбе и победе, потере веса и результатах сцинтиграфии¹. Надо отдать Патрику должное: он позволял нам говорить и о смерти. Но большинство находилось не в терминальной стадии и должны были дотянуть до совершеннолетия, как Патрик.

(Отсюда вытекает наличие нехилой конкуренции: каждый старается пережить не только рак, но и всех присутствующих. Пусть это иррационально, но когда тебе говорят, что у тебя, скажем, двадцать шансов из ста прожить пять лет, ты с помощью несложного математического перевода получаешь один из пяти, после чего оглядываешься и думаешь: мне надо пересидеть четырех из этих гадов.)

¹ Радионуклидное исследование. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Единственной компенсирующей составляющей группы поддержки был пацан по имени Айзек, длиннолицый, тощий, с прямыми светлыми волосами, свисающими на один глаз.

Проблема у него была как раз с глазами. У Айзека была невероятно редкая форма рака. Один глаз ему удалили в детстве, и он носил толстые очки, в которых его глаза, настоящий и стеклянный, казались неестественно огромными, словно вся голова была фальшивым глазом, а настоящий глаз смотрел на вас. Насколько я поняла из нечастых визитов Айзека в группу поддержки, рецидив поставил под угрозу его последний оставшийся орган зрения.

Мы с Айзеком общались с помощью вздохов. Всякий раз, как кто-то обсуждал противораковые диеты или предавал остракизму вытяжки из акульих плавников, он смотрел на меня и тихонько вздыхал. Я едва заметно качала головой и вздыхала в ответ.

В общем, группа поддержки не помогла: через несколько недель я готова была отбиваться ногами, лишь бы туда не ездить. В ту среду, когда я познакомилась с Огастусом Уотерсом, я предприняла все возможное и невозможное, чтобы избежать поездки, пока мы с мамой сидели на диване и смотрели третью серию марафона прошлого сезона «Новой топ-модели Америки», который я уже видела, но все равно смотрела.

Я: Я отказываюсь посещать группу поддержки.

Мама: Одним из симптомов депрессии является потеря интереса к различным занятиям.

Я: Ну давай я буду смотреть «Топ-модель Америки». Это тоже занятие.

Мама: Это пассивное занятие.

Я: Ну ма-ам, ну пожалуйста!

Мама: Хейзел, ты уже почти взрослая. Ты не маленький ребенок. Тебе нужно заводить друзей, выходить из дома, жить своей жизнью.

Я: Если ты хочешь, чтобы я вела себя как взрослая, не посылай меня в группу поддержки. Лучше достань мне фальшивое удостоверение личности, чтобы я могла ходить по клубам, пить водку и принимать гашиш.

Мама: Ну во-первых, гашиш не принимают...

Я: Вот видишь! Я бы это знала, будь у меня фальшивые документы!

М а м а: Ты поедешь в группу поддержки.

Я: А-а-а-а-а!

Мама: Хейзел, ты заслуживаешь жизни.

На это у меня возражений не нашлось, хотя я так и не поняла, как посещение группы можно привязать к понятию «жизнь». Но ехать согласилась, выторговав право записать полторы серии «Топ-модели», которые пропущу.

Я согласилась посещать группу поддержки по той же причине, по какой позволяла всяким медсестрам с полуторагодовалым образованием пичкать меня лекарствами с экзотическими названиями: ради родителей. Хуже, чем быть подростком с онкологией, есть только одно: быть ребенком с онкологией.

К заднему фасаду церкви мы подъехали без четырех минут пять. Несколько секунд я притворялась, что вожусь с кислородным баллоном – просто чтобы убить время.

– Помочь?

– Нет, спасибо, – сказала я.

Зеленый баллон весит всего несколько фунтов, плюс у меня есть стальная тележка, чтобы возить его за собой. Через канюлю из баллона в меня поступает два литра кислорода в минуту – прозрачная трубка раздваивается сзади у шеи, цепляется за уши и вновь соединяется под ноздрями. Хитрая трубка с баллоном необходима, потому что легкие ни фига не справляются со своей задачей.

– Я тебя люблю, – призналась мать, когда я вылезала из машины.

– Я тебя тоже. Подъезжай к шести.

– Заводи друзей, – напомнила мать через опущенное стекло, когда я шла к подвалу.

К лифту я не пошла: лифтом пользовались только те, кому осталось жить несколько дней. Спустившись по лестнице, я взяла печенье, налила себе лимонада в чашку «Дикси» и обернулась.

На меня смотрел парень.

Я его никогда не видела. Долговязый и худой, но не хилый, он скрючился на детском пластиковом стульчике. Короткие прямые темно-рыжие волосы. Мой ровесник или, может, на год старше, сидит на краешке стула в вызывающе неудобной позе, одна рука наполовину засунута в карман темных джинсов.

Я отвела глаза, сразу вспомнив о тысяче своих недостатков. Я в старых джинсах, которые прежде едва налезали, а теперь висят в самых неожиданных местах, и желтой футболке с рок-группой, которая мне уже не нравится. Волосы у меня подстрижены под пажа, и я не забочусь их расчесывать. Щеки у меня, не поверите, как у хомяка, – побочный эффект стероидов. В целом я выгляжу как человек нормального сложения с воздушным шаром вместо головы. Это я еще не вспоминаю о толстых икрах и щиколотках. И все же я украдкой посмотрела на незнакомца. Он по-прежнему не сводил с меня глаз.

До меня впервые дошел смысл выражения «встретиться взглядами».

Я села рядом с Айзек, через два стула от новенького. Покосившись, я убедилась: все еще смотрит.

Ладно, скажу прямо: он был красавчик. Некрасивый пытается смотреть безжалостно, и выходит в лучшем случае неловко, а в худшем – как попытка оскорбить. Но красавчик... М-да.

Я вынула мобильный: без одной минуты пять. Постепенно кружок заполнился несчастными душами от двенадцати до восемнадцати, и Патрик затянул коротенькую молитву: «Боже, дай мне душевное равновесие принять то, что я не могу изменить, смелость изменить то, что в моих силах, и мудрость, чтобы отличить одно от другого». Парень по-прежнему смотрел на меня. Я почувствовала, что краснею.

Вскоре я решила, что правильной стратегией будет пялиться в ответ. В конце концов, пацаны не покупали монополию на пристальные взгляды. Я оглядела новенького с ног до головы, пока Патрик в тысячный раз признавался в своей безыицкости, и завязалось соревнование взглядов. Вскоре парень улыбнулся и отвел голубые глаза. Когда он снова посмотрел на меня, я подвигала бровями в знак того, что победа осталась за мной.

Он пожал плечами. Патрик продолжал свое. Настало время представиться.

– Айзек, может, ты сегодня начнешь? Я знаю, у тебя сейчас трудное время.

– Да, – согласился Айзек. – Меня зовут Айзек, мне семнадцать лет. Судя по всему, через две недели у меня будет операция, после которой я останусь слепым. Я не жалею, многим приходится и хуже, но, понимаете, слепота – это такое дерьмо... Меня поддерживает моя девушка. И друзья. Огастус вот, например. – Он кивнул на новенького, у которого теперь появилось имя. – Так что вот так, – продолжал Айзек, глядя на свои руки, сложенные домиком. – И вы тут ничем не поможете.

– Мы рядом, Айзек, – сказал Патрик. – Пусть Айзек услышит нас, ребята.

И мы все повторили:

– Мы рядом, Айзек.

Настала очередь Майкла. Ему двенадцать, и у него лейкемия. У него всегда была лейкемия, но он в порядке (так он сказал. Вообще-то он спустился на лифте).

Лиде шестнадцать, и уж на кого стоило заглядываться красавчику, так это на нее. Лида старожил группы поддержки, у нее длительная ремиссия аппендикулярного рака – оказывается, есть и такой. Она заявила, как заявляла на каждом собрании группы поддержки, что

чувствует себя сильной. Мне, с кислородными трубочками в ноздрях, это показалось наглým хвастовством.

До новенького говорили еще пятеро. Он улыбнулся краешком губ, когда пришла его очередь. Голос у него оказался низкий, прокуренный и потрясающе сексуальный.

– Меня зовут Огастус Уотерс, – представился он. – Мне семнадцать. Полтора года назад у меня был несерьезный случай остеосаркомы, а здесь я сегодня по просьбе Айзека.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Патрик.

– О, прекрасно! – Огастус Уотерс улыбнулся одним уголком рта. – Я на поезде американских горок, который едет только вверх, друг мой.

Пришла моя очередь.

– Меня зовут Хейзел, мне шестнадцать лет. Рак щитовидки с метастазами в легких. Нормально, чё.

Заседание продолжалось бойко: бои были подсчитаны, битвы в заранее проигранных войнах выиграны, поцеплялись за надежду, поругали и похвалили родителей, согласились, что друзьям не понять серьезности проблемы. Слезы были пролиты, утешение предложено. Ни Огастус, ни я не произнесли ни слова, пока Патрик не сказал:

– Огастус, возможно, ты хочешь поделиться с группой своими страхами?

– Моими страхами?

– Да.

– Я боюсь забвения, – тут же ответил он. – Как слепой из пословицы, который боялся темноты.

– Ну, это ты поспешил, – улыбнулся Айзек.

– Черство сказано? – уточнил Огастус. – Я бываю слеп, как крот, к чувствам окружающих. Айзек захохотал, но Патрик поднял вразумляющий перст и сказал:

– Огастус, пожалуйста, вернемся к тебе и твоей борьбе. Ты сказал, что боишься забвения?

– Сказал, – ответил Огастус.

Патрик растерялся.

– Не хочет ли кто, э-э, что-нибудь ответить на это?

Я не хожу в нормальную школу уже три года. Родители – два моих лучших друга. Третий лучший друг – автор, который не знает о моем существовании. Я очень замкнутая, не из тех, кто первым тянет руку.

Но на этот раз я вдруг решила высказаться. Я приподняла ладонь, и Патрик с нескрываемым удовольствием немедленно сказал:

– Хейзел!

Я, по его мнению, раскрывалась, становясь частью группы поддержки.

Я посмотрела на Огастуса Уотерса, глаза которого были такой синевы, что сквозь нее, казалось, можно что-то видеть.

– Придет время, – сказала я, – когда мы все умрем. Все. Придет время, когда не останется людей, помнящих, что кто-то вообще был и даже что-то делал. Не останется никого, помнящего об Аристотеле или Клеопатре, не говоря уже о тебе. Все, что мы сделали, построили, написали, придумали и открыли, будет забыто. Все это, – я обвела рукой собравшихся, – исчезнет без следа. Может, это время придет скоро, может, до него еще миллионы лет, но даже если мы переживем коллапс Солнца, вечно человечество существовать не может. Было время до того, как живые организмы осознали свое существование, будет время и после нас. А если тебя беспокоит неизбежность забвения, предлагаю тебе игнорировать этот страх, как делают все остальные.

Я узнала об этом от вышеупомянутого третьего лучшего друга, Питера ван Хутена, писателя-отшельника, автора «Царского недуга», ставшего для меня второй Библией. Питер ван Хутен единственный а) понимал, что значит умирать, и б) еще не умер.

Когда я договорила, наступило долгое молчание. По лицу Огастуса расплылась улыбка – не миниатюрным хвостиком губ, как у флиртующего пацана, пялившегося на меня, а настоящая, слишком широкая для его лица.

– Черт, – тихо произнес Огастус. – Ну ты, блин, даешь.

Мы с ним молчали до конца заседания группы поддержки. В конце все, как было заведено, взяли за руки, и Патрик начал читать молитву.

– Господь наш Иисус Христос, мы, борющиеся с раком, собрались здесь, буквально в сердце твоём. Ты, и только ты один, знаешь нас, как мы знаем себя; проведи же нас к жизни и свету через времена испытаний. Молим тебя о глазах Айзека, о крови Майкла и Джейми, о костях Огастуса, о легких Хейзел, о горле Джеймса. Молим тебя исцелить нас, позволить ощутить твою любовь и твой Божий покой, превосходящие всякое понимание. В наших сердцах мы храним память о тех, кого знали и любили и кто вернулся к тебе в предвечный дом: Марию и Кейда, Джозефа и Хайли, Абигайль и Анд желину, Тейлора и Габриэль...

Список был длинным. В мире, знаете ли, очень много покойников. Пока Патрик зудел, читая имена по листочку, потому что список такой длины невозможно запомнить, я сидела с закрытыми глазами, пытаюсь настроиться на благочестивый лад, но невольно представляя тот день, когда и мое имя попадет в этот список, в самый конец, когда уже никто не слушает.

Когда Патрик закончил, мы повторили вместе дурацкую мантру – прожить сегодня как лучший день в жизни, и собрание закончилось. Огастус Уотерс, оттолкнувшись, встал со своего детского стула и подошел ко мне. Нога у него была кривовата, как и улыбка, – он прихрамывал.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Хейзел.

– Нет, полностью.

– Ну, Хейзел Грейс Ланкастер.

Огастус хотел что-то сказать, и тут подошел Айзек.

– Подожди, – попросил Огастус, подняв палец, и повернулся к Айзеку: – Слушай, это еще хуже, чем ты описывал.

– Я тебе говорил – тоска зеленая.

– Так чего ты сюда ходишь?

– Не знаю. Вроде помогает.

Огастус наклонился к нему и спросил, думая, что я не слышу:

– Она постоянно ходит? – Айзека я не расслышала, но Огастус ответил: – Надо думать. – На секунду он сжал Айзеку плечи и тут же отступил от него на полшага. – Расскажи Хейзел, что врач сказал.

Айзек оперся о стол с печеньем и навел на меня свой огромный глаз.

– Сегодня утром я ездил в клинику и сказал хирургу, что скорее умру, чем соглашусь жить слепым. А он заметил, что это не мне выбирать. Я ответил: да, я понимаю, что судьбу выбираем не мы, я просто говорю, что скорее согласился бы умереть, чем жить слепым, будь у меня выбор, которого, как я понял, у меня нет. А он говорит: хорошая новость в том, что ты не умрешь. А я ему: спасибо, дядя, объяснил, что рак глаз меня не убьет. Ах, какое сказочное везение, что такой гигант мысли, как вы, снизойдет до проведения моей операции.

– Победа осталась за ним, – сказала я. – Надо будет тоже заболеть раком глаз, чтобы познакомиться с твоим хирургом.

– А-а, ваяй. Ладно, мне пора. Моника ждет. Буду смотреть только на нее, пока еще могу.

– Карательные акции завтра? – спросил Огастус.

– Да. – Айзек повернулся и побежал вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки.

Огастус Уотерс повернулся ко мне.

– Буквально, – сказал он.

– Буквально? – не поняла я.

– Мы буквально в сердце Иисуса, – сказал он. – Я думал, мы в церковном подвале, а мы буквально в сердце Иисуса.

– Кто-то должен ему сказать, – хмыкнула я. – Это же опасно – держать в сердце больных раком детей.

– Я ему сам скажу, – пообещал Огастус. – Но к сожалению, я застрял у него в сердце, он меня не услышит.

Я засмеялась. Он покачал головой, глядя на меня.

– Что? – спросила я.

– Ничего, – ответил он.

– Почему ты на меня так смотришь?

Огастус чуть улыбнулся:

– Потому что ты красивая. Мне нравится смотреть на красивых людей. Некоторое время назад я решил не лишать себя простых радостей бытия. – Последовала короткая пауза, которую преодолел Огастус. – Особенно если учесть, как ты прелестно доказала, что все закончится забвением.

Я не то фыркнула, не то вздохнула, не то выдохнула с кашлем:

– Я не краси...

– Ты – как Натали Портман в две тысячи втором году. Как Натали Портман из фильма «“V” значит Вендетта».

– Никогда не видела, – сказала я.

– Правда? – спросил он. – Красивая стриженная девушка не признает авторитетов и влюбляется в парня – ходячую проблему. Это, насколько я вижу, прямо твоя автобиография.

Каждый слог флиртовал. Честно говоря, он меня прямо-таки завел. А я и не знала, что меня возбуждают парни, – ну, в реальной жизни.

Мимо прошла маленькая девочка.

– Как дела, Алиса? – спросил он.

Она улыбнулась и проямлила:

– Привет, Огастус.

– «Мемориальные» ребятишки, – объяснил он. «Мемориалом» называлась большая исследовательская клиника. – А ты куда ходишь?

– В детскую, – ответила я неожиданно тонким голосом. Он кивнул. Разговор вроде подошел к концу. – Ну что ж, – начала я, неопределенно кивая на лестницу, выводящую из буквального сердца Иисуса, наклонила тележку на колесики и пошла. Огастус хромал сзади. – Увидимся в следующий раз?

– Обязательно посмотри «“V” значит Вендетта», – напомнил он.

– Ладно, – согласилась я. – Посмотрю.

– Нет, со мной. У меня дома, – сказал он. – Сейчас.

Я остановилась.

– Я тебя почти не знаю, Огастус Уотерс. А вдруг ты маньяк с топором?

Он кивнул:

– Честный ответ, Хейзел Грейс. – Он обогнал меня, расправив плечи и выпрямив спину. Он лишь чуть-чуть припадал на правую ногу, но уверенно и ровно шагал на, как я определила, протезе. Остеосаркома обычно забирает конечность. Затем, если вы ей понравились, она забирает остальное.

Я медленно двинулась за ним наверх, постепенно отставая: подъем по ступенькам – вне сферы компетенции моих легких.

Из сердца Иисуса мы вышли на парковку, на приятно свежий весенний воздух и под замечательно резкий дневной свет.

Матери на парковке не оказалось, что было необычно – она почти всегда меня поджидала. Осмотревшись, я увидела, как высокая фигуристая брюнетка прижала Айзека к каменной стене церкви и довольно агрессивно его целовала. Все происходило достаточно близко, и до меня доносились причмокивающие звуки. Айзек спрашивал: «Всегда?» – и девушка отвечала: «Всегда».

Неожиданно оказавшись рядом со мной, Огастус вполголоса сказал:

– Они свято верят в публичное выражение нежных чувств.

– А причем тут «всегда»?

Чавкающие звуки стали громче.

– Это их фишка. Они всегда будут любить друг друга и все такое. По моей скромной оценке, за прошлый год они обменялись сообщениями со словом «всегда» четыре миллиона раз.

Отъехала еще пара машин, забрав Майкла и Алису. Остались только мы с Огастусом – наблюдать за Айзеком и Моникой, которые шустро продолжали, будто и не у стены культового сооружения. Он крепко держал ее за грудь поверх рубашки, причем ладонь оставалась неподвижной, а пальцы шарили по кругу. Интересно, это приятно? Мне так не показалось, но я решила быть снисходительной к Айзеку на том основании, что вскоре он станет слепым. Чувства должны пировать, пока есть голод, да и вообще.

– Представляешь, каково в последний раз ехать в больницу, – тихо сказала я. – В последний раз вести машину...

Не глядя на меня, Огастус произнес:

– Сбиваешь мне все настроение, Хейзел Грейс. Я же наблюдаю за молодой страстью в ее многопреlestной неуклюжести!

– По-моему, у нее будет синяк, – предположила я.

– Да, не поймешь, то ли он старается ее возбудить, то ли проводит маммологический осмотр. – Огастус Уотерс сунул руку в карман и вытащил, не поверите, пачку сигарет. Открыв пачку, он сунул сигарету в рот.

– Ты что, серьезно? – спросила я. – Возмнил, что это круто? Боже мой, ты только что все испортил!

– А что все? – спросил он, поворачиваясь ко мне. Незажженная сигарета свисала из не улыбающегося уголка его рта.

– Все – это когда парень, не лишенный ума и привлекательности, по крайней мере на первый взгляд, смотрит на меня недопустимым образом, указывает на неверное истолкование буквальности, сравнивает меня с актрисами, приглашает посмотреть кино к себе домой, но без гамартии нет человека, и ты, блин, несмотря на то что у тебя проклятый рак, отдаешь деньги табачной компании в обмен на возможность получить другую разновидность рака. О Боже! Позволь тебя заверить: невозможность вздохнуть полной грудью **ОЧЕНЬ ДЕРЬМОВАЯ ШТУКА!** Ты меня совершенно разочаровал.

– Что такое гамартия? – спросил он, все еще держа сигарету губами. Подбородок у него напрягся. К сожалению, у него прекрасный волевой подбородок.

– Фатальный изъян, – объяснила я, отворачиваясь. Я отошла к обочине, оставив Огастуса Уотерса позади, и услышала, как на улице сорвалась с места машина. Мать, кто же еще. Ждала, пока я заведу друзей.

Меня посетило странное чувство – разочарование пополам с негодованием, затопляющее изнутри. Я даже точно не назову это чувство, скажу лишь, что его было много; мне одновременно хотелось поцеловать Огастуса Уотерса и заменить свои легкие на здоровые, которые дышат. Я стояла на краю тротуара в своих кедах, прикованная к тележке с баллоном кислорода, как каторжник к ядру. Когда мать уже подъезжала, я почувствовала, как кто-то схватил меня за руку.

Руку я выдернула, но обернулась.

– Они не убивают, если их не зажигать, – сказал Огастус, когда мать затормозила у обочины. – А я в жизни ни одной не зажигал. Это метафора, вот смотри: ты держишь в зубах смертельно опасную дрянь, но не даешь ей возможности выполнить свое смертоносное предназначение.

– Метафора? – засомневалась я. Мать ждала, не выключая двигатель.

– Метафора, – подтвердил Огастус.

– Ты выбираешь линию поведения на основании метафорического резонанса? – предположила я.

– О да, – улыбнулся он широко, искренне и настояще. – Я очень верю в метафоры, Хейзел Грейс.

Я повернулась к машине и постучала по стеклу. Оно опустилась.

– Я иду в кино с Огастусом Уотерсом, – сказала я. – Пожалуйста, запиши для меня остальные серии «Новой топ-модели».

Глава 2

Водил Огастус Уотерс ужасающе. И остановки, и старты получались у него с резким рывком. Когда «тойота»-внедорожник тормозила, я всякий раз чуть не вылетала из-под ремня, а когда он давил на газ, я ударилась затылком о подголовник. Мне бы занервничать – сижу в машине со странным парнем, еду к нему домой, отчетливо ощущая, как мои никуда не годные легкие мешают вовремя предугадать полеты над сиденьем, но Огастус так поразительно плохо вел машину, что ни о чем другом я думать не могла.

Мы проехали примерно милю в таком вот молчании, когда Огастус решил признаться:

– Я три раза заваливал экзамен на права.

– Да не может быть.

Он засмеялся, кивая:

– Я же не чувствую, насколько старый добрый протез давит на педаль, а с левой ноги водить не научился. Врачи говорят, большинство после ампутации водят без проблем, но... не я. Пошел сдавать в четвертый раз, чувствую, фигня. – В полумиле впереди загорелся красный. Огастус ударил по тормозам, бросив меня в треугольные объятия ремня безопасности. – Прости, видит Бог, я старался нежнее. Ну так вот в конце теста я уже не сомневался – снова провалился, а инструктор говорит: «Манера вождения у вас неприятная, но, строго говоря, не опасная».

– Не могу согласиться, – сказала я. – Похоже, тут имел место раковый бонус.

Раковые бонусы – это поблажки или подарки, которые детям с онкологией достаются, а здоровым нет: баскетбольные мячи с автографами чемпионов, свободная сдача домашних заданий (без снижения за опоздание), незаслуженные водительские права и тому подобное.

– Ага, – подтвердил Огастус. На светофоре загорелся зеленый. Я приготовилась к рывку. Огастус ударил по газам.

– Знаешь, а ведь для тех, кто не владеет ногами, выпускаются машины с ручным управлением, – сообщила я.

– Знаю, – согласился Огастус. – Может, потом. – Он вздохнул, словно не был уверен в существовании этого «потом». Остеосаркому сейчас успешно лечат, но всякое бывает.

Есть способы узнать приблизительную продолжительность жизни собеседника, не спрашивая напрямую. Я испробовала классический:

– А в школу ты ходишь?

Как правило, родители забирают тебя из школы, если считается, что тебе каюк.

– Да, – ответил он. – В Норт-сентрал. Правда, на год отстал, я в десятом. А ты?

Меня посетило искушение солгать – кому понравится ходячий труп, но все же я сказала правду.

– Нет, родители забрали три года назад.

– Три года? – в изумлении переспросил он.

Я в подробностях расписала историю своего чуда: в тринадцать лет у меня обнаружили рак щитовидки четвертой степени (я не сказала Огастусу что диагноз поставили через три месяца после первой менструации. Получилось вроде как – поздравляем, ты девушка, а теперь можешь подышать). Нам сказали – случай некурабельный.

Мне сделали операцию «радикальное иссечение клетчатки шеи», столь же «приятную», как ее название. Потом курс облучения. Потом химию против метастазов в легких. Метастазы уменьшились, потом снова выросли. Мне тогда было четырнадцать. Легкие начали наполняться жидкостью. Я выглядела конкретным трупом: кисти и стопы отекали, кожа потрескалась, губы постоянно были синие. Появилось лекарство, которое позволяло чуть меньше ужасаться

невозможности дышать, и мне лили его целыми литрами через ЦВК² вместе с десятком других медикаментов. Очень неприятно захлебываться раковым экссудатом, особенно после нескольких месяцев с этим катетером. В конце концов я загремела с пневмонией в отделение интенсивной терапии. Мать стояла на коленях рядом с койкой и повторяла: «Ты готова, детка?» – я говорила – да, готова, отец повторял, что любит меня, и его голос почти не дрожал, потому что давно сел, а я повторяла, что тоже его люблю, и мы все держались за руки, и я не могла отдышаться, и легкие работали на пределе, и я задыхалась и приподнималась на койке, стараясь найти положение, в котором они смогли бы наполниться воздухом, и меня озадачивало отчаянное упорство собственных легких и бесило, что они не желают просто сдаться, и мама говорила, что все хорошо, что со мной все хорошо и будет хорошо, а папа так старался сдерживать рыдания, что, когда это ему не удавалось (через равные промежутки времени), он дергался всем телом, вызывая в палате маленькое землетрясение. Помню, я не хотела, чтобы меня будили.

Все решили, что я пешком отправилась на тот свет, но мой онколог доктор Мария смогла откачать жидкость из легких, а вскоре подействовали антибиотики, которые мне кололи от пневмонии.

Очнувшись, я попала в одну из экспериментальных групп, которыми славится Раковая Республика для Неработающих. Экспериментальное лекарство называлось фаланксифор: его молекулам полагалось прикрепляться к раковым клеткам и замедлять их рост. Семидесяти процентам больных фаланксифор не помогал. А мне помог – опухоли в легких уменьшились.

И больше не росли. Виват, фаланксифор! За последние полтора года метастазы практически не увеличились, оставив мне легкие, которые не способны толком дышать, но по прогнозам продержатся неопределенный период времени с помощью подаваемого кислорода и ежедневного приема фаланксифора.

Разумеется, мое раковое чудо лишь купило мне немного времени (сколько именно, сказать никто не может). Но в разговоре с Огастусом Уотерсом я расписала перспективы самыми розовыми красками, приукрасив масштабы чуда.

– Значит, ты снова пойдешь в школу, – подытожил он.

– Вообще-то не пойду, – сказала я. – Я уже получила аттестат. Я учусь в МСС.

Это был единственный колледж в нашем районе.

– Студентка, – кивнул Огастус Уотерс. – Вот чем объясняется аура учености.

Он смеялся надо мной. Я шутиливо пихнула его в плечо, ощутив прекрасные упругие мышцы.

Под визг покрышек мы свернули в переулок с оштукатуренными стенами высотой футов восемь. Дом Уотерсов оказался первым слева – двухэтажный, в колониальном стиле. Мы рывком затормозили на подъездной дорожке.

Я вошла за Огастусом в дом. Деревянная табличка над дверью с гравировкой курсивом «Дом там, где сердце» оказалась лишь началом: подобными изречениями пестрел весь дом. «Хороших друзей трудно сыскать и невозможно забыть», – заверяла настенная вешалка. «Настоящая любовь рождается в трудные времена», – говорила игольница в гостиной, обставленной старой мебелью. Огастус перехватил мой взгляд.

– Родители называют их «ободрениями», – пояснил он. – Они тут повсюду.

Отец с матерью называли его Гасом. Они на кухне готовили энчилады (над раковиной висела пластинка витражного стекла с пузырчатыми буквами «Семья навсегда»). Мать клала на тортилльяс курятину, а отец сворачивал блинчик и помещал его в стеклянный сотейник. Они не удивились моему приходу, что я сочла разумным: если Огастус дал мне почувствовать

² Центральный венозный катетер.

себя особенной, это не значит, что так оно и есть на самом деле. Может, он каждый день водит домой девушек смотреть фильмы и поднимать настроение.

– Это Хейзел Грейс, – представил он меня.

– Просто Хейзел, – поправила я.

– Как дела, Хейзел? – спросил отец Гаса. Он был высоким, почти как Гас, и тощим.

Мужчины в его возрасте редко такими бывают.

– Ничего, – ответила я.

– Как там группа поддержки Айзека?

– Обалдеть, – ответил Гас.

– Ну ты вечно всем недоволен, – пожурела его мать. – Хейзел, а тебе там нравится?

Я помолчала секунду, решая, как откалибровать ответ: чтобы понравиться Огастусу или его родителям?

– Большинство участников очень отзывчивые, – произнесла я наконец.

– Именно такое отношение мы встретили в семьях в «Мемориал», когда Гас там лежал, – поделился его отец. – Все были такими добрыми и мужественными. В черные дни Господь посылает в нашу жизнь лучших людей.

– Скорее дайте мне думку и нитки, эту фразу нужно вышить и сделать ободрением, – вскричал Огастус. Отцу это не понравилось, но Гас обнял его длинной рукой за шею и сказал:

– Шучу, пап. Я высоко ценю ваши чертовы ободрения. Признать это открыто мешает переходный возраст.

Отец только округлил глаза.

– Поужинаешь с нами? – спросила мама Гаса, миниатюрная брюнетка, похожая на мышку.

– Наверное, – ответила я. – Только мне домой к десяти. И я, это, не ем мяса.

– Нет проблем, сделаем несколько блинчиков вегетарианскими, – сказала она.

– Так сильно любишь животных? – поинтересовался Гас.

– Просто хочу минимизировать число смертей, за которые несу ответственность, – пояснила я.

Гас открыл рот что-то ответить, но передумал.

Паузу поспешила заполнить его мать:

– Я считаю, это замечательно.

Они немного поговорили о том, что сегодняшние энчилады – это фирменные блинчики Уотерсов, которые нельзя не попробовать, и они с мужем тоже требуют от Гаса приходить не позже десяти, и как они инстинктивно не доверяют людям, у которых дети приходят не в десять, и будь я в школе... – «Она уже в колледже», – вставил Гас, – и погода стоит совершенно необыкновенная для марта, и весной все кажется первозданно новым, и они ни разу не спросили меня о кислородном баллоне или диагнозе, что было необычно и приятно, а потом Огастус объявил:

– Мы с Хейзел посмотрим «V» значит Вендетта». Хочу показать ее киношного двойника, Натали Портман образца двухтысячного года.

– Телевизор в гостиной к вашим услугам, – с энтузиазмом сказал его отец.

– А почему не на цокольном этаже?

Его отец засмеялся:

– Обязательно. Идите в гостиную.

– Но я хочу показать Хейзел Грейс подвал, – настаивал Огастус.

– Просто Хейзел, – поправила я.

– Покажи просто Хейзел подвал, – согласился отец, – а потом поднимайтесь и смотрите свой фильм в гостиной.

Огастус надул щеки, встал на ногу и покрутил задом, выбрасывая протез вперед.

– Прекрасно, – пробормотал он.

Я спустилась за ним по ступенькам с ковровой дорожкой в огромное помещение под домом. Полка, обегавшая комнату на уровне глаз, была уставлена баскетбольными призами: больше десятка пластиковых позолоченных статуэток мужчин в прыжке, ведущих мяч или делающих бросок в невидимую корзину. Были на полке и подписанные мячи и кроссовки.

– Я раньше в баскетбол играл, – объяснил Гас.

– Вижу, что очень успешно.

– Да, в последних не ходил, но кроссовки и мячи – это все раковые бонусы. – Он подошел к телевизору, где гора DVD и видеоигр отдаленно напоминала пирамиду, и, нагнувшись, вытащил «Вендетту».

– Я, можно сказать, был типичным белым уроженцем Индианы, – сказал он. – Увлекался воскрешением утерянного искусства бросать мяч из статического положения со средней дистанции. Но однажды я отрабатывал броски сериями – стоял на штрафной в спортзале Норт-сентрал, кидал мячи со стойки – и неожиданно перестал понимать, для чего я методично бросаю сферические предметы через тороидальный объект. Мне вдруг показалось, что я занимаюсь несусветной глупостью. Я вспомнил о маленьких детях, снова и снова продевающих цилиндрический колок через круглую дырку целыми месяцами, и решил: баскетбол – всего лишь более аэробическая версия такой же ерунды. В тот раз я очень долго не промахивался – забросил подряд восемь мячей в корзину, мой лучший результат, но, бросая мячи, я все больше чувствовал себя двухлетним. И с тех пор я отчего-то начал думать о беге с препятствиями. Тебе плохо?

Я присела на угол неубранной кровати. Я ни на что не намекала, просто я устаю, когда приходится долго стоять. Я стояла в гостиной, затем были ступеньки, потом опять стояла, суммарного стояния для меня оказалось слишком много, а я не хотела падать в обморок. Обмороками я напоминала леди викторианской эпохи.

– Нормально, – успокоила я. – Заслушалась. Значит, бег с препятствиями?

– Да. Сам не знаю почему. Я начал думать о забегах с прыжками через эти сомнительные препятствия на дорожках. Мне пришло в голову, что про себя бегуны думают – дело пошло бы быстрее, убери они эти барьеры.

– Это было до постановки диагноза? – спросила я.

– Ну, и это тоже. – Он улыбнулся половинкой рта. – День экзистенциально наполненных штрафных бросков случайно совпал с последним днем моей двуногости. Между назначением ампутации и операцией пришлось выходные. Так что я отчасти понимаю, что сейчас чувствует Айзек.

Я кивнула. Огастус Уотерс мне нравился. Очень-очень нравился. Мне понравилось, что свой рассказ он закончил не на себе. Мне нравился его голос. Мне нравилось, что он выполнял экзистенциально наполненные штрафные броски. Мне нравилось, что он штатный профессор кафедры Слегка Асимметричных Улыбок и – на отделении дистанционного обучения – кафедры Голоса, от которого моя кожа становилась чем-то большим, нежели просто кожа. И мне нравилось, что у него два имени. Мне всегда нравились люди с двумя именами – можно выбирать, как называть: Гас или Огастус. Сама я всегда была Хейзел, безвариантная Хейзел.

– У тебя братья-сестры есть? – спросила я.

– А? – переспросил он, явно думая о своем.

– Ну, ты говорил о наблюдении за детской игрой...

– А, да нет. Племянники есть, от сводных сестер, они намного старше. Па-ап, сколько сейчас Джулии и Марте?

– Двадцать восемь!

– Им по двадцать восемь. Живут в Чикаго. Обе вышли замуж за очень прикольных юристов. Или банковских служащих, не помню. У тебя есть брат или сестра?

Я отрицательно покачала головой.

– А какая у тебя история? – спросил он, присаживаясь на кровать на безопасном расстоянии.

– Я уже рассказывала. Мне поставили диагноз, когда мне было...

– Нет, не история болезни. Твоя история. Интересы, увлечения, страсти, фетиши и тому подобное.

– Хм, – задумалась я.

– Только не говори, что ты одна из тех, кто превратился в собственную болезнь. Я таких много знаю. От этого просто руки опускаются. Рак – растущий бизнес, занимающийся поглощением людей, но зачем же уступать ему досрочно?

Мне пришло в голову, что я, пожалуй, так и сделала. Я не знала, как преподнести себя Огастусу в выгодном свете, какие склонности и увлечения сказали бы в мою пользу, и в наступившей тишине мне вдруг показалось, что я не очень интересная.

– Я самая обыкновенная.

– Отвергаю с ходу. Подумай, что тебе нравится? Первое, что придет на ум.

– Ну... чтение.

– А что читаешь?

– Все. От дешевых романов до претенциозной прозы и поэзии. Что попадет.

– А сама стихи пишешь?

– Этого еще не хватало!

– Ну вот! – воскликнул Огастус Уотерс. – Хейзел Грейс, ты единственный подросток в Америке, кто предпочитает читать стихи, а не писать их. Это мне о многом говорит. Ты читаешь много хороших книг, книг с большой буквы?

– Ну наверное.

– А любимая какая?

– Хм, – ответила я.

Среди любимых у меня с большим отрывом лидирует «Царский недуг», но я не хочу говорить о ней людям. Иногда прочтешь книгу, и она наполняет тебя почти евангелическим пылом, так что ты проникаешься убеждением – рухнувший мир никогда не восстановится, пока все человечество ее не прочтает. Существуют произведения вроде «Царского недуга», о которых не хочется говорить вслух: это книги настолько особые, редкие и твои, что объявить о своих предпочтениях кажется предательством.

Это даже не то чтобы блестяще написанное произведение. Просто автор, Питер ван Хутен, понимает меня до странности и невероятности. «Царский недуг» – моя книга, так же как мое тело – это мое тело, а мои мысли – это мои мысли.

Решившись, я сказала Огастусу:

– А любимая, наверное, «Царский недуг».

– Там зомби есть? – спросил он.

– Нет, – ответила я.

– А штурмовики?

Я покачала головой:

– Эта книга не об этом.

Огастус улыбнулся:

– Я прочту эту жуткую книгу со скучным названием, в которой даже нет штурмовых отрядов, – пообещал он. Я сразу пожалела о своей откровенности. Огастус обернулся к стопке книг на тумбочке у кровати. Взяв одну, в мягкой обложке, он занес над ней ручку и написал посвящение на титульном листе, говоря:

– Все, о чем я прошу взамен, – прочитай этот блестящий запоминающийся роман по мотивам моей любимой видеоигры.

Он подал мне книгу «Цена рассвета». Я рассмеялась и взяла. Наши руки задержались на книге, соприкоснулись, и Огастус взял меня за руку.

– Холодная, – сказал он, прижав палец к моему бледному запястью.

– Это от недостаточной оксигенации, – решила сумничать я.

– Обожаю, когда ты говоришь со мной на медицинском языке. – Огастус встал и потянул меня за собой, он не отпускал руку, пока мы не подошли к лестнице.

Фильм мы смотрели, сидя в нескольких дюймах друг от друга. Чувствуя себя совершенно как в средней школе, я положила руку на диван между нами, намекая – я не против, если Огастус ее пожмет. Но он даже не попытался. Час спустя после начала фильма вошли его родители и принесли нам энчилады, которые мы съели на диване. Блинчики и в самом деле оказались очень вкусными.

Фильм был о герое в маске, мужественно погибающем за Натали Портман, которая оказалась той еще стервой, очень красивой и нисколько не похожей на мое пухлое от стероидов лицо.

Когда пошли титры, Огастус сказал:

– Здорово, правда?

– Здорово, – согласилась я, хотя так не считала. Это фильм для мальчишек. Не понимаю, отчего мальчишки ожидают, что нам понравятся их фильмы. Мы же не ждем, что они проникнутся женским кино. – Мне домой пора. С утра лекция.

Я сидела на диване, пока Огастус искал ключи. Его мать подседа ко мне и произнесла:

– Мне оно тоже очень нравится.

Я спохватилась, что бездумно разглядываю ободрение над телевизором, изображающее ангела с подписью «Без боли как бы познали мы радость?»

(Глупость и отсутствие глубины этого избитого аргумента из области «Подумай о страданиях» разобрали по косточкам много веков назад; я ограничусь напоминанием, что существование брокколи никоим образом не влияет на вкус шоколада.)

– Да. Премилая мысль.

По дороге домой за руль села я, отправив Огастуса на пассажирское сиденье. Он поставил свою любимую группу «Лихорадочный блеск». Песни были хорошие, но я слушала их в первый раз, и мне они не так понравились, как Огастусу. Я посматривала на его ногу, вернее, на то место, где была его нога, пытаюсь представить, как выглядит протез. Я не хотела об этом думать, но отчего-то думала. А он, наверное, размышлял про мой кислородный баллон. Я давно поняла – болезнь отталкивает, и сейчас заподозрила это в Огастусе.

Когда я затормозила у своего дома, Огастус выключил стерео. В воздухе повисло напряжение. Он, наверное, раздумывал о том, поцеловать меня или нет, а я спешно решала, хочу я этого или не очень. Я целовалась с мальчишками, но это было давно, до Чуда.

Я перевела рычаг на паркинг и покосилась на Огастуса. Он был очень красив. Мальчишкам красота не обязательна, но он правда был красавец.

– Хейзел Грейс, – сказал он. Мое имя прозвучало по-новому и удивительно красиво. – Знакомство с тобой оказалось истинным удовольствием.

– И вам того же, мистер Уотерс, – поддержала игру я, не решаясь взглянуть на него. Я не могла выдержать пристального взгляда его голубых, как вода, глаз.

– Могу я снова тебя увидеть? – попросил он с подкупающим волнением в голосе.

– Конечно, – улыбнулась я.

– Завтра? – спросил он.

– Терпение, кузнечик, – посоветовала я. – Ты же не хочешь показаться чересчур напористым.

– Не хочу, поэтому и предлагаю завтра, – сказал Огастус. – Я хотел бы увидеть тебя снова уже сегодня, но я готов ждать всю ночь и большую часть завтрашнего дня. – Я вытаращила глаза. – Seriously.

– Ты ведь меня совсем не знаешь, – пошла на попятную я, забирая книгу с центральной консоли. – Позвоню, когда дочитаю.

– У тебя нет моего телефона, – напомнил он.

– Подозреваю, ты написал его на титульном листе.

Огастус расплылся в дурацкой улыбке:

– А еще говоришь, мы плохо знаем друг друга!

Глава 3

Я не ложила допоздна, читая «Цену рассвета» (подпорчу удовольствие тем, кто не читал: цена рассвета – кровь). Это, конечно, не «Царский недуг», но протагонист, старший сержант Макс Мейхем, мне чем-то смутно понравился, хотя и убил, по моим подсчетам, не менее ста восемнадцати человек на двухстах восьмидесяти четырех страницах.

Поэтому утром в четверг я проснулась поздно. Маминой политикой было никогда меня не будить: одно из стандартных требований к должности профессионального больного – много спать, поэтому в первую секунду я ничего не поняла, проснувшись как встрепанная от ощущения маминых рук на плечах.

– Уже почти десять, – сообщила она.

– Сон борется с раком, – ответила я. – Я зачиталась.

– Должно быть, интересная книжка, – сказала мама, опускаясь на колени у кровати и отвинчивая меня от большого прямоугольного концентратора кислорода, который я называла Филиппом (ну он чем-то походил на Филиппа).

Мама подключила меня к переносному баллону и напомнила, что у меня занятия.

– Тебе тот мальчик это передал? – вдруг спросила она ни с того ни с сего.

– «Это» означает герпес?

– Ты заговариваешься. Книгу, Хейзел, «это» означает книгу.

– Да, книгу дал мне он.

– Я сразу увидела, что он тебе нравится, – изрекла мама, приподняв брови, будто подобный вывод требовал уникального материнского инстинкта. Я пожалала плечами. – Вот видишь, и от группы поддержки есть польза.

– Ты что, весь час на шоссе ждала?

– Да. У меня с собой была работа... Ладно, пора встречать новый день, юная леди.

– Мам. Сон. Борется. С. Раком.

– Дорогая, но ведь есть и лекции, которые надо посещать. К тому же сегодня... – В мамином голосе явственно слышалось ликование.

– Четверг?

– Неужели ты не помнишь?

– Ну не помню, а что?

– Четверг, двадцать девятое марта! – буквально завопила она с безумной улыбкой на лице.

– Ты так рада, что знаешь дату? – заорала я ей в тон.

– Хейзел! Сегодня твой тридцать третий полудень рождения!

– О-о-о, – протянула я.

Вот что мать действительно умеет, так это раздуть любой повод для праздника. Сегодня День дерева! Давайте обнимать деревья и есть торт! Колумб завез индейцам оспу, устроим пикник в честь этого события!

– Ну что ж, поздравляю себя с тридцать третьим полуднем рождения.

– Чем ты хочешь заняться в такой особенный день?

– Вернуться домой с занятий и установить мировой рекорд по непрерывному просмотру выпусков «Адской кухни».

С полки над моей кроватью мама взяла Блуи, синего мягкого мишку, который у меня, наверное, лет с полутора, когда еще допустимо называть друзей по цвету.

– Не хочешь сходить в кино с Кейтлин, или Мэттом, или еще с кем-нибудь?

То есть с моими друзьями.

Идея мне неожиданно понравилась.

– И правда, – поддержала я. – Сброшу Кейтлин сообщение, не хочет ли она сходить в молл после уроков.

Мама улыбнулась, прижимая мишку к животу.

– А что, по-прежнему круто ходить в молл?

– Я очень горжусь своим незнанием того, что круто, а что нет, – ответила я.

Я написала Кейтлин, приняла душ, оделась, и мама отвезла меня на американскую литературу, на лекцию о Фредерике Дугласе в почти пустой аудитории. Было очень трудно не заснуть. Через сорок минут после начала полуторачасовой лекции пришло сообщение от Кейтлин:

«Я потряслась. Поздравлю с полурождением. Каслтон в 15.32 годится?»

У Кейтлин бурная жизнь, которую приходится расписывать по минутам. Я ответила:

«Здорово. Жду там, где кафешки».

С занятий мама отвезла меня в книжный, пристроенный к моллу, где я купила «Полуночный рассвет» и «Реквием по Мейхему», два первых сиквела к «Цене рассвета». В огромном фуд-корте я взяла диетическую колу. На часах было три двадцать одна.

Поглядывая на детей, игравших в детском комплексе в виде пиратского корабля, я читала. Двое ребятишек без устали раз за разом пролезали сквозь один и тот же тоннель, и я снова подумала об Огастусе Уотерсе и его экзистенциально наполненных штрафных бросках.

Мама тоже ждала у кафешек, сидя в одиночестве в углу, где, как ей казалось, я не могу ее видеть, ела сандвич со стейком и сыром и листала какие-то бумаги. Наверное, медицинские. Бумаг была пропасть.

Ровно в три тридцать две мимо «Уок-Хауса» уверенным шагом прошла Кейтлин. Меня она увидела, когда я подняла руку. Сверкнув очень белыми, недавно выпрямленными зубами, Кейтлин направилась ко мне.

Грифельно-серое пальто до колен сидело идеально, огромные темные очки закрывали большую половину лица. Подойдя ко мне обниматься, Кейтлин сдвинула их на макушку.

– Дорогая, – сказала она с еле уловимым британским акцентом, – как ты?

Люди не считали ее акцент странным или неприятным. Кейтлин – умнейшая двадцатипятилетняя британская светская львица, случайно попавшая в тело шестнадцатилетней школьницы из Индианаполиса. Все с этим смирились.

– Хорошо. А ты как?

– Уже и не знаю. Диетическая? – Я кивнула и протянула ей бутылочку. Кейтлин отпила через соломинку. – Очень жалею, что ты не ходишь в школу. Некоторые мальчишки стали, можно сказать, вполне съедобными.

– Да что ты? Например? – заинтересовалась я.

Кейтлин назвала пятерых парней, которых я знала с начальной школы, но не могла представить их взрослыми.

– Я уже некоторое время встречаюсь с Дерекком Веллингтоном, – поделилась она, – но вряд ли это продлится долго. Он еще такой мальчишка... Но хватит обо мне. Что нового в Хейзелграде?

– Ничего, – ответила я.

– Здоровье ничего?

– Да все по-прежнему.

– Фаланксифор! – восторженно вскричала она, улыбаясь. – Теперь ты сможешь жить вечно!

– Ну, не вечно, – заметила я.

– Но в целом что еще нового?

Мне захотелось сказать, что я тоже встречаюсь с мальчиком, по крайней мере смотрела с ним фильм, и утереть Кейтлин нос фактом, что такая растрепанная, неуклюжая и чахлая

особа, как я, способна, пусть и ненадолго, завоевать привязанность мальчишки. Но хвастаться мне было особо нечем, поэтому я просто пожала плечами.

– А это что такое, скажи на милость? – спросила Кейтлин, показывая на книжку.

– А, научная фантастика. Я немного увлеклась. Это книжная серия.

– Я в шоке. Ну что, пошли по магазинам?

Мы отправились в обувной. Кейтлин принялась выбирать для меня балетки с открытым мыском, повторяя: «Тебе они пойдут». Я вспомнила, что сама Кейтлин никогда не носит босоножки, потому что ненавидит свои ступни, считая вторые пальцы на ногах слишком длинными. Можно подумать, второй палец ноги – это окно в душу или еще что-нибудь важное. Поэтому, когда я выбрала ей босоножки, прекрасно подходившие к загорелой коже, она замялась: «Да, но...» – в том смысле, что «в них же все увидят мои ужасные вторые пальцы». Я сказала:

– Кейтлин, ты единственная из моих знакомых страдаешь дисморфией пальцев ног.

– Это как? – спросила Кейтлин.

– Ну когда ты смотришь в зеркало, ты видишь там не то, что на самом деле.

– А-а, – протянула она. – А такие тебе нравятся? – Она сняла с полки красивые, но неброские «Мэри Джейнс», и я кивнула. Она нашла свой размер, надела и принялась расхаживать по проходу, глядя на свои ноги в наклонные зеркала у пола. Затем Кейтлин схватила вызывающие туфли с ремешками.

– Неужели в них можно ходить? Умереть можно! – воскликнула она, но тут же осеклась и посмотрела на меня виновато, словно говорить о смерти в присутствии умирающего – преступление.

– Примерь, – предложила Кейтлин, стараясь сгладить неловкость.

– Лучше смерть, – отказалась я.

В конце концов я взяла пару шлепанцев, чтобы хоть что-то купить, и сидела теперь на скамейке напротив полок с обувью, глядя, как Кейтлин бежит по проходам, выбирая туфли с сосредоточенностью шахматиста. Мне захотелось достать «Полуночные рассветы» и почитать, но я понимала, что это невежливо, поэтому я смотрела на Кейтлин. Она то и дело возвращалась ко мне, сжимая добычу с закрытыми мысками, и спрашивала: «Эти?» – а я пыталась сказать что-нибудь умное о данной модели. В конце концов она купила три пары, я заплатила за свои шлепанцы, и она предложила:

– Ну что, в «Антрополоджи»?

– Я, наверное, поеду домой, – отказалась я. – Что-то я устала.

– Да-да, конечно. Надо нам чаще встречаться, дорогая. – Она взяла меня за плечи, расцеловала в обе щеки и зашагала прочь, покачивая узкими бедрами.

Но домой я не поехала. Я просила маму забрать меня в шесть, и пока она, по моим расчетам, находилась в молле или на парковке, у меня оставались два часа личной свободы.

Маму я люблю, но ее постоянная близость порой вызывает у меня непонятную нервозность. И Кейтлин я тоже люблю, правда, но за три года без нормального общения с ровесниками я отдалась от них, и мост через возникшую пропасть не перекинуть. Школьные подруги, конечно, хотели помочь мне вылечиться от рака, но вскоре убедились, что это не в их власти. Прежде всего рак у меня никогда не пройдет.

Поэтому я отговорила болями и усталостью, как часто делала при встречах с Кейтлин и другими. Сказать по правде, больно мне всегда. Больно не иметь возможности дышать, как нормальный человек, постоянно напоминать легким выполнять свою работу, принимать как неизбежность дерущую, царапающую, до боли знакомую боль кислородной недостаточности. Поэтому, строго говоря, я не солгала, а просто выбрала одну из истин.

Присмотрев скамейку между магазинчиком ирландских сувениров, «Империей чернильных ручек» и киоском с бейсбольными кепками – в эту часть молла Кейтлин никогда не заглянет, – я начала читать «Полуночные рассветы».

Соотношение трупов и предложений в этой книжке было приблизительно один к одному, и я продиралась сквозь текст не отрываясь. Мне нравился старший сержант Макс Мейхем, хотя в нем было мало индивидуального, мне нравилось, что его приключения продолжаются. Всегда были плохие парни, которых требовалось прикончить, и хорошие, которых нужно было спасти. Новые войны начинались еще до окончания старых. В детстве я не читала серийную фантастику, и жить в бесконечном вымысле оказалось интересно.

За двадцать страниц до конца «Полуночных рассветов» Мейхему пришлось несладко – он получил семнадцать ран, спасая заложницу (американку и блондинку) от врага. Но как читатель я не отчаивалась. Война продолжится и без него. Возможно – да что там, обязательно, – появятся сиквелы о его команде: младшем сержанте Мэнни Локо, рядовом Джаспере Джексе и других.

Я почти дочитала, когда маленькая девочка с бантиками в косичках подошла ко мне и спросила:

– А что у тебя в носу?

Я ответила:

– Это называется канюля. Трубки дают мне кислород, помогая дышать.

Подкатила ее мамаша и неодобрительно крикнула: «Джеки!» – но я заверила: «Ничего, ничего», – потому что и в самом деле ничего в ее вопросе не было.

Джеки попросила:

– Можешь дать мне тоже подышать?

– Не знаю, давай попробуем! – Я сняла канюли с ушей и позволила Джеки сунуть трубки в нос.

– Щекотно, – засмеялась она.

– Я знаю.

– Кажется, мне легче дышится, – сказала она.

– Да?

– Да.

– Ну, – произнесла я, – жаль, что я не могу отдать тебе мою трубку. Мне без нее не обойтись!

Я уже ощущала отсутствие кислорода и дышала с усилием, когда Джеки отдала мне трубки. Я быстро сунула их под футболку, заправила за уши и сунула кончики в ноздри.

– Спасибо, что дала попробовать, – поблагодарила Джеки.

– Нет проблем.

– Джеки, – снова позвала ее мать, и на этот раз я не стала удерживать девочку.

Я вернулась к книге, где старший сержант Макс Мейхем сожалел, что может отдать своей стране всего одну жизнь, но никак не могла позабыть о малышке, которая мне очень понравилась.

Проблема с Кейтлин в том, что я никогда не смогу естественно, как прежде, с ней болтать. Все попытки разыгрывать обычное общение только угнетали. Очевидно, все, с кем мне суждено разговаривать остаток дней, будут чувствовать себя неловко и испытывать угрызения совести, за исключением разве что детишек вроде Джеки, которые еще не знают жизни.

Словом, мне нравится быть одной. Одной с бедным старшим сержантом Максом Мейхемом, который – о, да ладно, не выживет он после семнадцати пулевых ранений!

(Снова позволю себе испортить удовольствие тем, кто еще не читал: он выжил.)

Глава 4

Спать я легла довольно рано. Переодевшись в мальчишеские трусы и футболку, я забралась под одеяло на кровать – двуспальную, с подушкой, одно из моих любимейших мест в мире – и в тысячный раз начала перечитывать «Царский недуг».

В «Недуге» рассказывается о девочке по имени Анна (от ее лица ведется повествование) и о ее одноглазой матери, профессиональной садовнице, одержимой тюльпанами. Мать и дочь ведут нормальную жизнь низов среднего класса в маленьком городке в Калифорнии, пока Анна не заболевает редкой формой рака крови.

Но это не книга о раке, потому что книги о раке – фигня. В книгах о раке больной раком открывает благотворительный фонд и собирает деньги на борьбу с раком. Занимаясь благотворительностью, больной видит, что человечество в принципе хорошее, и купается во всеобщей любви и поддержке, потому что оставит средства на лечение рака. А в «Царском недуге» Анна решает, что болеть раком и учреждать благотворительную ассоциацию для борьбы с раком чересчур отдает нарциссизмом, поэтому учреждает фонд под названием «Фонд Анны для онкологических больных, которые хотят бороться с холерой».

Анна обо всем говорит предельно честно, как никто: с самого начала и до последней страницы она абсолютно правильно причисляет себя к побочным эффектам. Дети с онкологией по сути своей – побочные эффекты безжалостной мутации, за счет которой жизнь на Земле так разнообразна. По мере развития сюжета Анне делается хуже – рак и лечение соревнуются, кто быстрее ее добьет, а тут еще мать Анны влюбляется в голландского торговца тюльпанами, которого Анна называет Тюльпановым Голландцем. У Тюльпанового Голландца много денег и крайне эксцентричные идеи насчет лечения рака; Анне кажется, что он проходимец и даже не голландец, но когда предполагаемый голландец и ее мать вот-вот поженятся, а Анна готова начать новый безумный курс лечения, включающий пырей ползучий и микродозы мышьяка, повествование обрывается на полуфразе.

Я знаю, это литературный прием, и, возможно, отчасти поэтому я так люблю эту книгу, но как-то приятнее читать роман, который чем-то заканчивается. А если не может закончиться, пусть продолжается до бесконечности, вон как приключения отряда старшего сержанта Макса Мейхема.

Я понимаю, что такой финал означает гибель или фатальное ухудшение состояния Анны, а оборванная фраза символизирует безвременно оборвавшуюся жизнь, но в книге есть и другие персонажи, кроме Анны, и мне показалось несправедливым не узнать, что с ними случилось. Через издателя я направила Питеру ван Хутену дюжину писем, спрашивая, что произойдет потом: окажется ли Тюльпановый Голландец проходимцем, выйдет ли за него мать Анны, что случится с глупым хомяком девочки, которого ее мать терпеть не может, закончат ли подруги Анны школу, но ван Хутен не ответил ни на одно из моих писем.

«Царский недуг» – единственная книга Питера ван Хутена. Все, что о нем известно, – после выхода книги он переехал из Штатов в Нидерланды и с тех пор живет затворником. Долгое время я надеялась, что он работает над сиквелом, действие которого разворачивается в Нидерландах, – может, мать Анны и Тюльпановый Голландец переехали туда и начали новую жизнь, – однако после выхода «Царского недуга» прошло десять лет, а ван Хутен не опубликовал ничего, кроме постов в блоге. Я не могу ждать вечно.

В этот раз, перечитывая книгу, я представляла, как Огастус Уотерс пробегает глазами те же слова. Я гадала, понравится ли ему роман, или он пренебрежительно назовет книгу претенциозной. Вспомнив свое обещание позвонить, когда дочитаю «Цену рассвета», я открыла титульный лист с номером телефона и набрала сообщение:

«Резюме по «Цене рассвета»: слишком много трупов и мало прилагательных. Как тебе «Царский недуг»?»

Ответ пришел минутой позже:

«Насколько я помню, ты обещала позвонить, как дочитаешь, а не писать сообщение».

Я позвонила.

– Хейзел Грейс, – поприветствовал он, едва сняв трубку.

– Ну, так ты прочел?

– Еще не до конца. Здесь шестьсот пятьдесят одна страница, а у меня было всего двадцать четыре часа.

– И где ты сейчас?

– На четыреста пятьдесят третьей.

– И?

– Придержу свои суждения, пока не дочитаю. Однако, должен признаться, мне уже неловко, что я дал тебе «Цену рассвета».

– Не стоит, я уже читаю «Реквием по Мейхему».

– А-а, блестящее пополнение серии. Слушай, а торговец тюльпанами – мошенник? От него исходит неприятная вибрация.

– Не скажу, – ответила я.

– Если он не идеальный джентльмен, я ему глаза выдавлю.

– Значит, тебе понравилось?

– Повторяю, пока я придерживу свое мнение. Когда я тебя увижу?

– Ну уж никак не раньше, чем дочитаешь «Царский недуг», – произнесла я, наслаждаясь непривычным лукавством.

– Тогда я кладу трубку и начинаю читать.

– Давай-давай, – сказала я, и после щелчка линия стала мертвенно-тихой.

Флирт был мне в новинку, но понравился.

Наутро в колледже была лекция по американской поэзии двадцать первого века. Пожилая женщина, читавшая лекцию, умудрилась полтора часа говорить о Сильвии Плат, не процитировав ни строчки из Сильвии Плат.

Когда я вышла из колледжа, мама сидела в машине с работающим мотором напротив выхода.

– Ты что, ждала здесь все время? – спросила я, когда она поспешила помочь втащить тележку с баллоном в машину.

– Нет, я забрала вещи из химчистки и съездила на почту.

– А потом?

– У меня с собой книжка, – ответила она.

– А мне с собой нужна моя жизнь, – улыбнулась я. Мать попыталась улыбнуться в ответ, но улыбка получилась слабой.

Секунду спустя я поинтересовалась:

– В кино хочешь?

– Конечно. Что будем смотреть?

– Давай просто поедem туда, где можно сесть и дожидаться следующего фильма.

Мать закрыла за мной дверцу, обошла машину и села за руль. Мы поехали к кинотеатру в «Каслтоне» и посмотрели фильм в формате 3D о говорящих песчанках. Забавный, кстати.

Выйдя из кино, я включила мобильный и получила сразу четыре сообщения от Огастуса: «Скажи, что в твоей книге не хватает двадцати или более страниц».

«Хейзел Грейс, скажи, что это еще не конец романа».

«Боже мой, да поженились они или нет?! Боже, Боже, да что же это!»

«Я так понял, Анна умерла, и на этом все оборвалось? Жестоко. Позвони мне, когда сможешь. Надеюсь, все в порядке».

Добравшись домой, я вышла на задний дворик, присела на ржавый плетеный уличный стул и позвонила Огастусу. Был облачный день, типичный для Индианы, когда уютная погода словно обволакивает вас. Весь дворик занимали мои детские качели, мокрые и жалкие.

Огастус снял трубку на третьем гудке.

– Хейзел Грейс, – сказал он.

– Добро пожаловать в сладкую муку чтения «Царского...» – Я остановилась, услышав в трубке громкие рыдания. – Ты чего? – опешила я.

– Я-то ничего, – отозвался Огастус. – Но у Айзека, похоже, декомпенсация. – В трубке раздался вой, похожий на предсмертный крик раненого животного. Гас уговаривал Айзека: – Друг, друг, от Хейзел из группы поддержки тебе будет лучше или хуже? Айзек, слушай меня! – Через минуту Гас попросил: – Можешь подъехать ко мне домой минут через двадцать?

– Конечно, – ответила я и нажала отбой.

По прямой на машине от моего дома до Огастуса ехать было бы минут пять, но по прямой ехать нельзя, потому что между нами парк Холидей.

При всех географических неудобствах я люблю парк Холидей. Когда я была маленькой, я плескалась с папой в Уайт-ривер, ожидая чудесного момента, когда он подбрасывал меня в воздух, вот просто отбрасывал от себя, и в полете я раскидывала ручонки, папа тоже расставлял руки, и я видела, что никто меня не ловит, и мне и папе становилось ужасно страшно и весело, и я, болтая ногами, плюхалась в воду и выныривала невредимой, и течение относил меня обратно, и я просила: еще, папочка, еще!

Я остановилась у дома рядом со старой черной «тойотой»-седаном, принадлежавшей, как я поняла, Айзеку. Катя за собой тележку с баллоном, я подошла к двери и постучала. Открыл отец Гаса.

– Просто Хейзел, – сказал он. – Рад тебя видеть.

– Огастус попросил, чтобы я приехала.

– Да, они с Айзеком в подвале, – оттуда донесся вопль. – Это Айзек, – печально покачал головой папа Гаса. – Синди не выдержала и решила проехать. Эти звуки... – задумался он. – Ну, тебя, наверное, ждут внизу. Поднести тебе, э-э, баллон?

– Нет, я справлюсь. Спасибо, мистер Уотерс.

– Марк, – поправил он.

Я немного боялась спускаться – я не очень люблю слушать безутешные истерики. Но я пошла вниз.

– Хейзел Грейс, – произнес Огастус, услышав мои шаги. – Айзек, к нам спускается Хейзел из группы поддержки. Хейзел, позволь осторожно напомнить: у Айзека как раз приступ психоза.

Огастус и Айзек сидели на полу за игровыми стульями в форме ленивой буквы L, глядя снизу вверх в гаргантюанских размеров телевизор. Экран был поделен между Айзеком слева и Огастусом справа. Они были солдатами и пробирались по современным разбомбленным улицам – я узнала город из «Цены рассвета». Подходя, я не заметила ничего необычного: два парня, освещенные отблеском огромного экрана, притворяются, что убивают людей.

Только поравнявшись с ними, я увидела лицо Айзека. Слезы струились по его покрасневшей щеке непрерывным потоком, лицо стянула гримаса боли. Он даже не взглянул на меня – смотрел на экран и выл, аккомпанируя себе ударами кулаков по пульту.

– Как дела, Хейзел? – спросил Огастус.

– Нормально, – ответила я. – Айзек?

Тишина. Айзек ничем не показал, что знает о моем присутствии. Слезы катились по щеке и капали на черную футболку.

Огастус мельком взглянул на меня, отведя глаза от экрана.

– Прекрасно выглядишь, – заметил он. Я была в старом платье чуть ниже колен. – Девчонки думают, что платья нужно надевать только на торжества, но мне нравятся женщины, которые говорят: я иду к парню, переживающему нервный срыв, к парню, у которого призрачная связь с чувством по имени зрение, и, черт меня побери, я надена для него платье!

– При этом, – сказала я, – Айзек на меня даже не глядит. Он слишком влюблен в свою Монику.

Это вызвало катастрофические рыдания.

– Чувствительная тема, – объяснил Огастус. – Айзек, не знаю, как у тебя, но у меня смутное ощущение, что нас обходят с флангов, – после этого он снова обратился ко мне: – Айзек и Моника больше не ходячая половая озабоченность, но он не хочет об этом говорить. Он хочет только плакать и играть в «Подавление восстания-2: Цена рассвета».

– Честно, – оценила я.

– Айзек, во мне растет беспокойство по поводу нашего положения. Если ты не против, иди к электростанции, я тебя прикрою.

Айзек побежал к неопределимому зданию, а Огастус бешено стрелял из пулемета короткими очередями и бежал за ним.

– В любом случае, – сказал мне Огастус, – поговорить с ним не повредит. Вдруг он прислушается к мудрому женскому совету.

– Вообще-то я считаю его реакцию совершенно правильной, – ответила я под треск автоматной очереди Айзека, который прикончил врага, высунувшего голову из-за сгоревшего пикапа.

Огастус кивнул.

– «Боль хочет, чтобы ее чувствовали», – процитировал он «Царский недуг». – Ты проверил, за нами никого? – спросил он Айзека. Через несколько секунд над их головами просвистели трассирующие пули. – Да черт тебя побери, Айзек! – воскликнул Огастус. – Не хочу критиковать тебя в момент великой слабости, но ты дал обойти нас с флангов, и теперь для террористов школа как на ладони!

Солдат Айзека сорвался с места и побежал навстречу стреляющим, петляя по узкой улочке.

– Ты можешь перейти по мосту и кружным путем вернуться, – подсказала я, набравшись тактических знаний из «Цены рассвета».

Огастус вздохнул:

– К сожалению, мост уже в руках повстанцев. Это результат сомнительной стратегии моего опечаленного соратника.

– Моей? – задыхаясь, завопил Айзек. – Моей? Это ты предложил укрыться в чертовой электростанции!

Гас на секунду отвернулся от экрана и улыбнулся Айзеку уголком рта.

– Я знал, что ты можешь говорить, приятель, – сказал он. – А теперь пошли спасать горстку ненастоящих школьников.

Они вдвоем побежали по переулку, стреляя и прячась в нужные моменты, пока не подобрались к одноэтажной однокомнатной школе. Присев за стеной через улицу, они снимали врагов одного за другим.

– А чего они так рвутся в школу? – спросила я.

– Хотят взять детей в заложники, – ответил Огастус, ссутулившись над своим пультом и с силой нажимая на кнопки. Его предплечья напряглись, на руках проступили вены. Айзек весь подался к экрану, пульт так и танцевал в его тонких пальцах.

– Давай, давай, давай, – повторял Огастус.

Волны террористов набегали одна за другой, и они скашивали всех до единого, стреляя на удивление точно, чтобы не давать террористам палить в школу через окна.

– Граната! Граната! – заорал Огастус, когда на экране что-то пролетело по дуге, отскочило от двери школы и немного откатилось в сторону.

Айзек разочарованно бросил пульт.

– Если эти гады не могут взять заложников, они просто убивают их и обвиняют в этом нас.

– Прикрой меня, – сказал Огастус, выпрыгивая из-за стены и бегом кинувшись к школе. Айзек нащупал свой пульт и начал стрелять. Град пуль обрушился на Огастуса, который был ранен раз, другой, но продолжал бежать.

– Вам не убить Макса Мейхема! – закричал Огастус и, помудрив что-то с кнопками – пальцы так и мелькали, – бросился ничком на гранату, которая взорвалась под ним. Его тело разлетелось на части, кровь брызнула, как из гейзера, и экран окрасился красным. Хриплый голос сообщил: «Миссия провалена», но Огастус, видимо, считал иначе, потому что улыбнулся собственным останкам. Затем он сунул руку в карман, выудил оттуда сигарету, сунул ее в рот и зажал зубами. – Зато детей спас.

– Временно, – напомнила я.

– Всякое спасение временно, – парировал Огастус. – Я купил им минуту. Может, эта минута купит им час, а час купит им год. Никто не даст им вечную жизнь, Хейзел Грейс, но ценой моей жизни теперь у них есть минута, а это уже кое-что.

– Ничего себе загнул, – сказала я. – Речь-то идет о пикселях.

Он пожал плечами, словно верил, что игра может быть реальностью. Айзек снова зарыдал. Огастус тут же повернул к нему голову.

– Попробуем еще раз, капрал?

Айзек покачал головой. Он перегнулся через Огастуса и, борясь со спазмом в горле, выдал, обращаясь ко мне:

– Она решила не откладывать на потом.

– Она не хотела бросать слепого парня? – уточнила я. Айзек кивнул. Слезы непрерывно катились по его лицу – одна за другой, словно работал некий беззвучный метроном.

– Сказала, ей это не под силу, – признался он мне. – Я вот-вот потеряю зрение, а ей это не под силу!

Я думала о слове «сила» и обо всем непосильном, с чем хватает сил справиться.

– Мне очень жаль, – произнесла я.

Он вытер мокрое лицо рукавом. За стеклами очков глаза Айзека казались такими огромными, что остальное лицо словно исчезало, и на меня смотрели два плавающих в пространстве глаза – один настоящий и один стеклянный.

– Так же нельзя поступать, – сказал он мне. – Как она могла?

– Ну, честно говоря, – ответила я, – ей это, наверное, действительно не под силу. Тебе тоже, но у нее нет прямой необходимости пересиливать ситуацию. А у тебя есть.

– Я напомнил ей о «всегда», повторял «всегда, всегда, всегда», а она говорила свое, не слушая меня, и не отвечала. Будто я уже умер, понимаешь? «Всегда» было обещанием! Как можно нарушать слово?

– Иногда люди не придают значения данным обещаниям, – заметила я.

Айзек гневно взглянул на меня:

– Конечно. Но слово все равно держат. В этом заключается любовь. Любовь значит выполнять обещанное в любом случае. Или ты не веришь в настоящую любовь?

Я не ответила. У меня не было ответа. Но я подумала, что если настоящая любовь существует, то предложенное Айзеком толкование определяет ее очень точно.

– Ну а я верю в любовь, – сказал Айзек. – Я люблю ее. Она обещала. Она обещала мне «всегда». – Он встал и шагнул ко мне. Я тоже встала, решив, что он хочет броситься мне в объятия, но Айзек вдруг огляделся, будто забыв, для чего поднялся, и мы с Огастусом увидели на его лице ярость.

– Айзек, – позвал Гас.

– Что?

– Ты выглядишь несколько... Прости мне некоторую двусмысленность, друг мой, но в твоих глазах появилось что-то пугающее.

Неожиданно Айзек изо всей силы пнул свой игровой стул, и тот, перекувыркнувшись в воздухе, отлетел к кровати.

– О как, – сказал Огастус.

Айзек погнался за стулом и пнул его снова.

– Да, – поддержал Огастус. – Вломи ему. Бей этот стул до полусмерти!

Айзек пнул стул еще раз, так что тот ударился о кровать, затем схватил одну из подушек и начал лупить ею по стене между кроватью и полкой с призами.

Огастус посмотрел на меня, все еще держа в зубах сигарету, и улыбнулся краем рта:

– Не могу не думать о твоей книге.

– Знаю, со мной было так же.

– Он так и не написал, что случилось с остальными персонажами?

– Нет, – ответила я. Айзек по-прежнему избивал стену подушкой. – Он переехал в Амстердам. Я думала, может, он пишет сиквел о Тюльпановом Голландце, но он ничего не опубликовал. Не дает интервью, не бывает онлайн. Я написала ему гору писем, спрашивая, что с кем случилось, но он так и не ответил. Так что... – Я перестала говорить, потому что Огастус вроде бы не слушал. Он внимательно смотрел на Айзека.

– погоди, – тихо сказал он мне, подошел к Айзеку и взял его за плечи: – Приятель, подушки небьющиеся. Попробуй что-нибудь другое.

Айзек схватил баскетбольную награду с полки над кроватью и занес ее над головой, словно ожидая команды.

– Да! – оживился Огастус. – Да!

Статуэтка ударилась об пол, и у пластмассового баскетболиста отвалилась рука с мячом. Айзек принялся топтать осколки ногами.

– Да, – приговаривал Огастус. – Дай им! – И снова мне: – Я уже давно искал способ дать отцу понять, что ненавижу баскетбол, и, кажется, сегодня он нашелся.

Призы летели на пол один за другим, Айзек плясал на них, с силой топая и вопя, а мы с Огастусом, свидетели безумия, стояли поодаль. Бедные искореженные тела пластиковых баскетболистов усеяли ковровое покрытие: там мяч, оставшийся в оторванной руке, здесь две ноги без туловища, замершие в прыжке. Айзек крушил призы, прыгал на них, крича, задыхаясь, потея, пока наконец не рухнул на гору неровных пластиковых обломков.

Огастус подошел к нему и поглядел сверху вниз.

– Полегчало? – поинтересовался он.

– Нет, – буркнул Айзек, тяжело дыша.

– В том-то и дело, – сказал Огастус и взглянул на меня. – Боль хочет, чтобы ее чувствовали.

Глава 5

Я не разговаривала с Огастусом почти неделю. Я звонила ему в Ночь разбитых наград, и теперь по традиции была его очередь. Но он не звонил. Не думайте, что я целыми днями держала мобильник в потной ладошке и не сводила с него взгляд и по утрам надевала свое особое желтое платье, терпеливо ожидая, пока мой вызывающий абонент и настоящий джентльмен дорастет до своего имени³. Я вела привычную жизнь: разок выпила кофе с Кейтлин и ее бойфрендом (красив, но до Огастуса ему далеко), каждый день переваривала прописанную дозу фаланксифора, посетила три утренних лекции в колледже, а по вечерам ужинала с мамой и папой.

В воскресенье мы ели пиццу с зеленым перцем и брокколи, сидя на кухне за маленьким круглым столом, как вдруг зазвонил мой сотовый. Мне не позволили кинуться отвечать, потому что у нас в семье строгое правило – «никаких звонков во время ужина».

Поэтому я продолжила есть, а мама с папой говорили о землетрясении, случившемся в Папуа – Новой Гвинее. Они познакомились в Корпусе мира в Папуа – Новой Гвинее, и всякий раз, как только там что-нибудь происходило, пусть даже трагедия, мама с папой из крупнотельных домоседов снова превращались в юных идеалистов, самодостаточных и волевых, и сейчас они настолько были поглощены разговором, что даже не глядели на меня. Я ела быстрее, чем когда-либо в жизни, метала куски с тарелки в рот так неистово, что начала задыхаться. Я перепугалась: неужели это из-за того, что мои легкие снова плавают в скопившейся жидкости? Я старательно отогнала от себя эту мысль. Через пару недель меня ожидало сканирование. Если что-нибудь не так, я скоро узнаю, а пока все равно нет смысла волноваться.

И все же я волновалась. Мне нравилось быть человеком. Я за это держалась. Волнение – еще один побочный эффект умирания.

Наконец я доела, извинилась и встала из-за стола. Родители даже не прервали разговор о плюсах и минусах инфраструктуры Гвинеи. Я выхватила мобильный из сумки, валявшейся на кухонном столе, и проверила последние входящие. Огастус Уотерс.

Я вышла через заднюю дверь в сумерки. Увидев качели, подумала: «Может, покачаться, пока буду говорить с ним?» Но побоялась не дойти – меня порядком утомила еда.

Поэтому я улеглась на траву у края патио, нашла глазами Орион – единственное созвездие, которое я знаю, – и позвонила Огастусу.

– Хейзел Грейс, – произнес он.

– Привет, – ответила я. – Как дела?

– Прекрасно, – сказал он. – Я все время хотел тебе позвонить, но выжидал, пока у меня сформируется связное мнение в отношении «Царского недуга».

(Он так и сказал – «в отношении». Вот это парень!)

– И? – спросила я.

– Я думаю, она, ну, читая ее, я чувствовал, что, ну...

– Ну что? – поддразнила я.

– Будто это подарок? – вопросительно сказал он. – Будто ты подарила мне что-то важное.

– Оу, – негромко вырвалось у меня.

– Пафосно прозвучало, – признал он. – Извини.

– Нет, – сказала я. – Нет. Не извиняйся.

– Но она ничем не заканчивается.

– Верно, – согласилась я.

– Китайская пытка. Я понял, что она умерла или потеряла сознание.

³ От *лат.* Augustus – величественный.

– Да, я тоже так предполагаю.

– Ладно, все это честно, но ведь существует же неписанный контракт между автором и читателем! По-моему, неоконченный сюжет – это своего рода нарушение контракта.

– Не знаю, – недовольно начала я, готовая защищать Питера ван Хутена. – Отчасти именно поэтому я так люблю эту книгу. Здесь правдиво изображена смерть – человек умирает, не дожив, на полуфразе. Хотя я тоже очень хочу узнать, что случилось с остальными. Об этом я спрашивала в письмах, но он ни разу не ответил.

– Ясно. Ты говорила, он живет затворником?

– Правильно.

– Его невозможно найти?

– Правильно.

– И совершенно невозможно связаться? – уточнил Огастус.

– К сожалению, нет.

– «Уважаемый мистер Уотерс, – ответил он. – Спешу поблагодарить вас за электронное письмо, полученное мною шестого апреля через мисс Влигентхарт из Соединенных Штатов Америки, если география еще что-нибудь значит в нашей с большой помпой оцифрованной современности».

– Огастус, что ты несешь?

– У него есть помощница, – сказал Огастус. – Лидевью Влигентхарт. Я ее нашел и написал. Она передала письмо ван Хутену. Он ответил с ее электронного адреса.

– Ясно, понятно, читай дальше.

– «Свой ответ я по старой доброй традиции пишу чернилами и на бумаге. Позже эти строки, переведенные мисс Влигентхарт в длинный ряд единиц и нулей, отправятся в путь по бездушной Паутине, в которую не так давно попался наш биологический вид. Заранее извиняюсь за все ошибки и упущения, которые могут последовать.

Учитывая вакханалию развлечений, открытых вашему поколению, я благодарен каждому молодому человеку в любом уголке планеты, уделяющему целые часы моему скромному произведению. Вам, сэр, я глубоко признателен за добрые слова о «Царском недуге» и любезное уведомление, что эта книга, цитирую дословно, «значила» для Вас «хренову тучу».

Эта фраза заставила меня задуматься: что Вы имели в виду, написав «значила»? Коль скоро мы видим безнадежную тщету всякой борьбы, должно ли нам ценить скоропреходящее потрясение, которое дает нам искусство, или же его единственной ценностью следует считать наивозможнейшее приятное препровождение времени? Чем должна быть книга, Огастус? Тревожной сиреной? Призывом к оружию? Инъекцией морфия? Как и все вопросы во Вселенной, эти неизбежно приведут нас к истокам: что означает быть человеком и, заимствуя фразу у снедаемых тревогой за будущее шестнадцатилетних, которых Вы, несомненно, гневно осуждаете, – на кой все это нужно?

Боюсь, что смысла в существовании человечества нет, друг мой, и от дальнейшего знакомства с моими трудами Вы получили бы весьма скудное удовольствие. Отвечаю на ваш вопрос: больше я ничего не написал и не напишу. И далее делиться мыслями с читателями вряд ли будет полезно: и им, и мне. Еще раз благодарю за Ваш великодушный и-мейл.

Преданный вам Питер ван Хутен (через Лидевью Влигентхарт)».

– Вау, – сказала я. – Сам придумал?

– Хейзел Грейс, как бы я с моими скромными интеллектуальными возможностями сочинил бы письмо от имени Питера ван Хутена с перлами вроде «с большой помпой оцифрованной современности»?

– Не осилил бы, – признала я. – А можно, а можно мне его электронный адрес?

– Ну конечно, – ответил Огастус, будто и не сделал мне только что лучший в жизни подарок.

Следующие два часа я составляла и-мейл Питеру ван Хутену. По мере вносимых исправлений письмо становилось все хуже, но остановиться я уже не могла.

Уважаемому г-ну Питеру ван Хутену (через Лидевью Влигентхарт).

Меня зовут Хейзел Грейс Ланкастер. Мой друг Огастус Уотерс, который по моей рекомендации прочитал «Царский недуг», только что получил от вас и-мейл на этот адрес. Надеюсь, Вы не станете возражать, что Огастус поделился содержанием Вашего ответа со мной.

Мистер ван Хутен, из Вашего письма Огастусу я поняла, что Вы не планируете больше писать. Отчасти я разочарована, но одновременно испытываю облегчение: не придется волноваться, станет ли Ваша следующая книга вровень с величественным совершенством дебютной. На правах больной с трехлетним стажем четвертой стадии рака я утверждаю, что в «Царском недуге» Вы все поняли правильно. По крайней мере Вы абсолютно правильно поняли меня. Ваша книга объяснила мне, что я чувствую, еще до того, как я начала это чувствовать. Я перечитывала ее десятки раз.

И все же решаюсь спросить у Вас, что произойдет с действующими лицами после окончания романа. Я понимаю, книга обрывается, потому что Анна умирает или из-за тяжести своего состояния не может продолжать описывать происходящее, но мне очень хочется знать, что будет с матерью Анны. Выйдет ли она замуж за Тюльпанового Голландца, будут ли у нее еще дети и будет ли она по-прежнему жить по адресу 917, Вестерн Темпл? А Тюльпановый Голландец, он мошенник или правда их любит? Что будет с друзьями Анны, особенно с Клэр и Джейком? Они останутся вместе? И наконец, самый глубокий и умный вопрос, которого Вы, несомненно, давно ждали от читателей: что станет с хомяком Сисифусом? Эти вопросы не дают мне покоя уже несколько лет, и я не знаю, сколько у меня еще есть времени ждать ответов.

Разумеется, все перечисленное нельзя отнести к важнейшим проблемам литературы, которые поднимает Ваша книга, но мне просто очень хочется знать.

И если когда-нибудь Вы все же решите написать что-то еще, даже без намерения опубликовать, я бы очень хотела это прочесть. Клянусь, я готова читать даже Ваши списки покупок.

*С безмерным восхищением
Хейзел Грейс Ланкастер (16 лет).*

Отослав письмо, я снова позвонила Огастусу, и мы до ночи говорили о «Царском недуге». Я прочла ему стих Эмили Дикинсон, строку из которого ван Хутен взял в качестве названия для романа⁴, и Огастус сказал, что у меня хороший голос для декламации и я недолго останавливаюсь в конце строк, а потом добавил, что шестая книга из серии «Цена рассвета» – «Утверждено кровью» – тоже начинается со стиха. Минуту он искал книгу и наконец прочел:

– Признайся, жизнь не удалась: / Ведь ты не можешь вспомнить, / Когда в последний раз / Поцеловал кого-нить.

– Неплохо, – сказала я. – Но слегка претенциозно. Надеюсь, Макс Мейхем назовет стишок «дерьмом для неженки».

⁴ Название книги ван Хутена «Imperial Affliction» многозначно: его можно перевести как «Царский недуг» (аллюзия на редкое заболевание крови Анны), как «Царственная скорбь» или даже как «Высшее страдание».

– Ага, сквозь стиснутые зубы. Слушай, Мейхем то и дело скрипит зубами! Он заработает себе синдром Костена⁵, если выйдет живым из этой передряги. – И через секунду Гас спросил: – А ты когда в последний раз целовалась?

Я задумалась. Мои поцелуи – все случилось до диагноза – были слюнявыми и неловкими, с ощущением, что мы, дети, играем во взрослых. Но времени, конечно, прошло много.

– И не вспомнить, – ответила я наконец. – А ты?

– Я сорвал несколько хороших поцелуев с моей бывшей подружкой Каролин Мэтерс.

– Сто лет назад?

– Последний – менее чем год назад.

– А что произошло?

– Во время поцелуя?

– Нет, у тебя с Каролин.

– О, – сказал Гас. И через секунду ответил: – Каролин уже не страдает от пребывания в брэнном теле.

– О-о, – вырвалось у меня.

– Да.

– Прости, – быстро произнесла я.

Я знаю много умерших, но никогда ни с одним не встречалась. Даже представить себе такого не могу.

– Это не твоя вина, Хейзел Грейс. Все мы лишь побочные эффекты, верно?

– «Колония морских рачков на грузовом судне сознания», – процитировала я «Царский недуг».

– Ну ладно, – сказал он. – Пойду, пожалуй, спать. Уже час ночи.

– Ладно, – согласилась я.

– Ладно, – откликнулся он.

Я засмеялась и еще раз сказала:

– Ладно.

И в трубке стало тихо, хотя он и не нажал отбой. Мне даже показалось, что он здесь, в моей комнате. Даже еще лучше: будто я не в моей комнате, а он не в своей, и мы где-то в другом месте, призрачном и эфемерном, которое можно посетить только по телефону.

– Ладно, – сказал он спустя целую вечность. – Может, «ладно» станет нашим «всегда».

– Ладно, – отозвалась я.

И тогда Огастус наконец повесил трубку.

Когда Огастус написал Питеру ван Хутену, то получил ответ от него уже через четыре часа. Мне же не пришлось ничего и через два дня. Огастус убеждал меня, что просто мое письмо лучше и поэтому требует более продуманного ответа, что ван Хутен, очевидно, старательно составляет пояснения к моим вопросам, и на создание столь блестящей прозы нужно время. Но я все равно переживала.

В среду на лекции по американской поэзии для чайников я получила сообщение от Огастуса:

«Айзека прооперировали. Операция прошла хорошо. Теперь он официально БПР».

БПР означает «без признаков рака». Второе сообщение пришло через несколько секунд:

«Я имел в виду, теперь он слепой. Так что все плохо».

Днем мама согласилась одолжить мне машину, и я поехала в «Мемориал» навестить Айзека.

⁵ Болезненный спазм жевательной мускулатуры.

Я нашла его палату на пятом этаже, постучала в открытую дверь, и услышала женский голос:

– Войдите.

Это была медсестра, которая что-то делала с повязками на глазах Айзека.

– Привет, Айзек, – сказала я.

– Моника? – спросил он.

– Нет, прости, это, э-э, Хейзел из группы поддержки. Помнишь Хейзел и Ночь разбитых призов?

– А-а, – протянул он. – Да, мне все повторяют, что в качестве компенсации у меня обострятся остальные чувства, но пока все по-прежнему. Привет, Хейзел из группы поддержки! Подойди, чтобы я ощупал твое лицо руками и заглянул тебе в душу глубже, чем могут зрячие.

– Он шутит, – уточнила медсестра.

– Я поняла, – откликнулась я.

Подкатив стул к кровати, я села и взяла Айзека за руку.

– Привет, – сказала я.

– Привет, – ответил он и долго молчал.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

– Нормально, – произнес он. – Я не понимаю.

– Чего не понимаешь? – Я не хотела видеть повязки у него на глазах, поэтому смотрела не на лицо, а на руку. Айзек грыз ногти, и кое-где в уголках кутикулы проступила кровь.

– Она даже не приходила, – пояснил он. – Мы были вместе четырнадцать месяцев. Четырнадцать – это много. Блин, больно! – Айзек отпустил мою руку и нащупал кнопку обезболивания, которую надо нажимать, чтобы ввести себе инъекцию наркотика.

Медсестра, закончив менять повязку, отступила на шаг.

– Прошел всего один день, Айзек, – сказала она чуть снисходительно. – Дай себе время выздороветь. Четырнадцать месяцев – малая часть жизни. Все только начинается, приятель, сам увидишь.

Медсестра вышла.

– Она ушла?

Я кивнула, но спохватилась, что Айзек меня не видит.

– Да, – ответила я.

– Я сам увижу? Она правда так сказала?

– Качества хорошей медсестры... Начинай, – предложила я.

– Первое: не сочиняет каламбуров о твоём увечье, – сказал Айзек.

– Второе: берет кровь с первой попытки, – продолжила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.